

Даля Трускиновская

Дверинда

«Автор»

1990

Трускиновская Д. М.

Дверинда / Д. М. Трускиновская — «Автор», 1990

...И вот она уже стояла в плаще перед дверью, с сумкой и зонтиком. А поскольку в последнее время жизнь ее не баловала, Ксения заранее представляла себе не то приятное, что связано с дождем – свежий воздух, к примеру, – а исключительно неприятное – брызги на колготках, промоченные ноги, насморк и прочее. Шлепать по лужам к остановке, распахивать в троллейбусе мокрые спины... брр... Вот открыть бы дверь – и сразу оказаться в родном отделе, в тепле и сухости... Открывая дверь, Ксения действительно внутренним взором видела свой отдел, четыре стола, составленные попарно, китайскую розу на подоконнике, облупленный шкаф и Еремееву, которая всегда приходит первой. На Еремеевой почему-то было модное джинсовое платье, хотя для пятидесяти лет это, мягко говоря, странный наряд. Ксения перешагнула порог и вместо лестничной клетки увидела перед собой комнату с четырьмя столами и китайской розой, а также Еремееву в джинсовке...

© Трускиновская Д. М., 1990

© Автор, 1990

Далия Трускиновская

Дверинда

И тут капитан Чернышев понял, что именно так и начинается шизофрения.

– Вы что-то путаете, товарищи! – убежденно сказал он – Этого быть не может. Ваша загадочная рука появилась, скорее всего, вот отсюда...

Он показал на черную портьеру, наглухо закрывавшую окно, – свет снаружи здесь, в этом закутке, в трех шагах от сцены, был совершенно некстати.

Главный режиссер Берман отдернул портьеру. Оконный переплет, стекло, подоконник – все было покрыто вековой пылью и грязью.

– Окно сто лет не открывали. Теперь и захочешь, а не сумеешь, тем более снаружи, – сказал режиссер.

– Вы тоже верите, что эта чертова рука возникла из шкафа? – с надеждой на решительное «нет» спросил Чернышев.

– Это маразм, – ответил режиссер, – но это так!

История была предураская.

Шел спектакль «Ромео и Джульетта». Роль Джульетты исполняла режиссерская жена. Годы никого не красят, и для такой юной роли жене изготовили роскошный длинный и кудрявый парик. С собственными своими волосами она давно уже на сцене не показывалась.

И вот стоит эта стареющая Джульетта за кулисами в ожидании своего выхода. Прямо перед ней – лесенка в три ступеньки, ведущая на сцену. Рядом с лесенкой, возле задрапированного окна, железный и вечно запертый шкаф. Потом, если по периметру помещения, это самое окно, стена с вешалкой, дверь на служебную лестницу, опять стена и проход за сцену. Спрятаться, в общем, негде.

Стоит Джульетта и беседует со своей подружкой юношеских лет, которая тогда была моложе и перспективнее, а сейчас играет Джульеттину няню. Великое в театре дело – личная жизнь с главным режиссером. И вот уже пора Джульетте резвой девчачьей побегом выноситься на сцену. И ставит уже Джульетта отягощенную варикозным расширением вен ножку на первую, чуть подсвеченную снизу слабой лампочкой, ступеньку, и тут происходит черт знает что.

Дверь шкафа отворяется, оттуда высовывается черная рука, вцепляется в парик, сдирает его вместе со шпильками и исчезает в шкафу.

Естественно, Джульетта вздрагивает, а кормилица начинает ломиться в шкаф. Дверь не поддается.

Осознав, что давно пора быть на сцене, а с убогим хвостиком на затылке это ну никак невозможно, Джульетта начинает метаться по закутку, сшибает вешалку со средневековыми плащами и, наконец, шлепается на пол.

Сверху прыгает разъяренный помреж, бросивший на произвол судьбы пульт и растерянных персонажей на сцене. Он жаждет знать, какого хрена Джульетта задерживается. Увидев ее без парика, помреж столбенеет. И его разбирает истерический хохот. Все – Скандал. Занавес.

А теперь капитан Чернышев должен разобраться в этой мистике и найти виновника. Помощи ему при этом ждать неоткуда. Театральный коллектив, как и полагается, делится на три партии. Первая – приверженцы режиссерской жены. Вторая, более многочисленная, – ее ярые противники. Третья те, кто выше всей этой возни, они проповедуют святое искусство. Естественно, на резонный вопрос следователя, а не подозревает ли кого-нибудь сама Джульетта, он слышит длинный список врагов обоюбого пола. И прямо при Чернышеве начинается жуткая катавасия.

Актеры и актрисы упрекают друг друга во всевозможных грехах, партии схватываются стенка на стенку, режиссер взывает о валидоле.

В разгар склоки сверху прибегает костюмерша и сообщает, что парик найден. Он на четвертом этаже, надет на огнетушитель. Все несутся вверх – смотреть на парик. Остаются режиссер Берман, его супруга, Чернышев и театральный электрик, владелец ключей от шкафа. Это его хозяйство, там хранятся прожектора и еще какая-то дефицитная мелочевка.

Электрик отпирает шкаф – с трудом, потому что не часто туда лазает. Двери со скрежетом расходятся.

Полки. На полках железяки. Кошке поместиться негде. Если сунуть внутрь руку, упрешься в железную стенку шкафа. И никаких следов черной руки.

Чернышев с подозрением посмотрел на режиссера – уж не дурачат ли здесь сотрудника органов? Режиссер сделал движение кистью руки, уперев большой палец в собственный висок. Джульетта полезла в шкаф – убедиться в его непроницаемости.

– Знаете что? – решительно сказал Чернышев. – Это обыкновенное хулиганство. У меня таких хулиганских дел знаете сколько?

Ему нечего не ответили.

– Если вы настаиваете, я заведу дело, – продолжал Чернышев – Если вы настаиваете.

Джульетта всхлипнула. Теперь, когда парик нашелся, не грех было и поплакать.

– Где тут у вас выход? – спросил Чернышев. Его вывели из театра.

За дверью храма искусств бурлила нормальная человеческая жизнь, без всякой мистики. И капитан Чернышев бодро зашагал по улице и даже улыбнулся, увидев забавного карапуза. Он бодрым шагом уходил подальше от шизофрении.

Недели за две до описываемых событий режиссерская жена лежала у себя в квартире на диване и копила злость. Наверху, прямо над ее головой, соседи катали бревна и бочки, а также кантовали железнодорожные контейнеры.

Накопив достаточно, она встала с дивана и прямо в халате отправилась разбираться.

Ей открыла женщина лет тридцати, тоже в халате. В руке у соседки была тряпка, из-за спины выглядывал мальчик пяти-шести лет с игрушечным грузовиком на веревочке.

Если бы соседка уделяла своей внешности хоть четверть того времени и тех средств, что режиссерская жена, она была бы очень хороша собой. Но сейчас, когда эта затюканная жизнью соседка находилась в состоянии холодной войны со всеми близкими людьми, кроме сына, и лицо и фигура оставляли желать лучшего. Стрижку она делала год назад, если не больше, и прическа совершенно потеряла форму. Лак на ногтях облупился. Под глазами и на висках прорезались тонкие морщины, которые несложно было бы убрать с помощью импортного крема и массажа, если бы у бедолаги хватило времени побегать по магазинам за кремом и каждый вечер делать этот самый массаж.

Сын же у нее был на редкость хорошенький, с огромными темно-кариыми глазищами и русыми кудряшками, настоящий ангел. Взглянув на такое очаровательное дитя, умилился бы даже профессиональный убийца, но только не драматическая актриса. Уж бог ее знает, как это ей удавалось, но детей она не любила.

Режиссерская жена сказала, что за ребенком нужно смотреть, что в последнее время из-за этого ребенка житья не стало, что она будет жаловаться, что при ее напряженной работе она должна – да что должна, просто обязана, сознавая свою ценность для искусства! – полноценно отдыхать дома. И еще припомнила, что месяц назад мальчик устроил потоп в ванной.

Соседка кивала, вздыхала и соглашалась. Прощения она попросила раз примерно пятьсот. С большим трудом ей удалось утихомирить режиссерскую жену.

– Вот так, Мишка, – сказала она сыну, когда дверь закрылась – Я же говорила тебе – не катай грузовик. Видишь – рассердили тетю.

Мишка, чувствуя свою вину, обнял маму и уткнулся ей лицом в живот.

– Знаешь что, Мишка? – сказала женщина – Дай-ка я накину пальто и вынесу мусор. А ты тем временем будешь сидеть тихо и смотреть телевизор.

– А потом? – спросил Мишка.

– Потом поужинаем, и ты ляжешь спать. А я буду гладить белье.

Женщина, чтобы не терять времени, поставила на газ чайник, включила утюг, накинула поверх халата пальто и побежала вниз с мусорником.

Возвращаясь, она обнаружила, что не захватила ключей. Беда была бы невелика, будь дома хоть кто-то из взрослых. Женщина привыкла, что при такой оказии найдется кому открыть. Но муж переехал к своей будущей супруге, свекровь две недели как носу не казалась, а с собственной матерью женщина поссорилась из-за будущего развода, и теперь мать обитала у своей старшей дочери в совсем другом городе.

Мишке же раз и навсегда запретили подходить на звонок к дверям и вступать в переговоры с незнакомыми людьми. Совсем недавно воры воспользовались наивностью ребенка, и эта история в городе всем была знакома.

Итак, женщина в полной растерянности стояла у двери. Положение было нелепое и безвыходное.

И тут внизу раздался шум – какой-то хрип, какие-то неразборчивые, но свирепые голоса, глухие удары. И по лестнице взбежал человек.

Росту он был для мужчины невысокого – вровень с перепуганной женщиной, но в плечах широк до чрезвычайности, сложения плотного и – рыжий. Особенно впечатляла его шкиперская бородка, оттенком чуть темнее, чем волосы, и торчащая во все стороны. На голове у человека был берет синего цвета с красным помпоном. А вообще он одет был в широкую голубую блузу и голубые же штаны, заправленные в шнурованные высокие башмаки астрономического размера.

– Кукуешь? – спросил человек, притормозив рядом с женщиной. Она, разумеется, не ответила. – Чего кукуешь-то, спрашиваю! – рассердился он.

– Вот, дверь захлопнулась, – жалобно сказала она, отодвигаясь от него подальше.

– Без ключа выскочила? Ну и дура! – резюмировал он – погоди, сейчас разберусь...

Он вынул из кармана связку каких-то блестящих металлических штучек, и женщина поняла, что перед нею – матерый преступник. На лестнице внизу послышались шаги – несомненно, за рыжим гналась милиция. Женщине полагалось бы кричать, но, как оно в таких случаях обычно и бывает, напрочь пропал голос.

Рыжий вставил в скважину что-то длинное, ковырнул – и дверь открылась. С неожиданной прытью он втокнул женщину в квартиру, прыгнул за ней и захлопнул дверь.

Женщина метнулась в угол прихожей и замерла. Что-то надо было делать – кричать, звать соседей, спасти сына. Но все сейчас было бесполезно стоило ей пикнуть, рыжий бы не пожалел ее.

А он встал перед замком, упер руки в бока и замурлыкал песенку без слов.

– Та-ак... – протянул он – слышь, хозяйка! Замочек-то я тебе повредил. Но это ничего. Сейчас я его залатаю. Будет лучше нового.

И он деловито стал ковыряться в замке. Раскурочив его, рыжий вынул из кармана еще одну странную вещь – коробочку из чего-то золотистого, полупрозрачного, очень красивого. В коробке лежали пластинки радужного цвета, числом три. Рыжий вынул их, подумал, покрутил носом, две спрятал обратно, а третью сунул во внутренности замка и стал ковырять там отверткой.

– Послушайте... – робко обратилась к нему женщина.

– Не волнуйся, хозяйка, я же сказал – будет лучше нового, – он прислушался к шуму на лестнице и усмехнулся – Боцман Гангрена слов на ветер не бросает!

Уголовное имечко совершенно потрясло женщину. Рыжий завинтил замок и повернулся к ней.

– Не поминай лихом, хозяйка!

Он открыл дверь, вышел и захлопнул ее за собой. Женщина, наконец-то осмелев, немедленно рванула на себя дверь и нос к носу столкнулась с группой мужчин.

Одеты они были еще причудливой боцмана Гангрены – поверх голубых штанов и рубах на них было множество разнообразных ремней, а к ремням крепились и прилегали к их спинам, бокам и бедрам всякие жуткие вещи ножи в ножнах и без, явно предназначенные для стрельбы трубки с ручками и всякими загогулинами, японские нунчаки и прочая мерзость.

– Убью рыжего мерзавца! – воскликнул предводитель этой безумной банды – Акулам на корм!

– Женщина! – воскликнул другой, и все головорезы разом на нее уставились.

– Мадам! – наигалантнейше обратился к ней предводитель – Не будете ли вы столь любезны... По этой лестнице пробежал снизу вверх некий мужчина... да, рыжий и плотного сложения. Так вот, мадам, вполне вероятно, что вы его видели, этого негодяя, якорь ему в...

– Корму! – перебил предводителя головорез, заметивший первым женщину.

– Да, – согласился тот – Вы его видели? А, мадам?

– Да, – ничего не понимая, сказала женщина. Только что вылетев из ее квартиры, боцман Гангрена должен был напрямик упасть в объятия своей банды. И куда же он девался?

Оставалось предположить, что странный боцман пташкой вспорхнул наверх и отсиживается на верхнем этаже... хотя, постойте, там же есть люк на чердак и на крышу!

– Мада-ам! – укоризненно протянул предводитель – Время идет, мы ждем...

Женщина молча показала наверх.

– Мы только что оттуда.

Это ее настолько изумило, что она даже руками не смогла развести, а просто окаменела. Ответа от нее бандиты не дождались.

– Улизнул! – констатировал предводитель – Святая дева, на что не пойдет мужчина, чтобы спасти свое главное украшение!

Банда заржала и посыпалась вниз по лестнице. Женщина отступила назад, в квартиру, и поскорее закрыла дверь.

Все это было ужасно и необъяснимо, но она осталась цела и невредима, а главное – попала в квартиру! И тут она вспомнила про чайник и утюг...

Пожара еще не было. Чайник хотя и кипел, но воды в нем было порядочно. А ведь совсем недавно эта самая женщина напрочь забыла про кипящий чайник, так что у него отпаялся носик и со звоном упал на плиту. Звон-то и привлек ее на кухню. Пришлось покупать новый чайник, а с финансами было слабовато. Уйти-то муж ушел, а вопрос об алиментах еще не вставал.

Стряпая сыну ужин, женщина немного пришла в себя. И к вечерней сказке уже полностью успокоилась.

Сказка – это было свято. Иначе Мишка вообще отказывался ложиться в постель.

А началось с того, что однажды до него дошла садистская сущность сказки о колобке. Колобок-то погиб, невзирая на свою находчивость. Лиса съела его, чавкая и облизываясь, и ему было больно!

Мишка ревел в три ручья. Выход был один – поскорее придумать другой конец, счастливый и прекрасный.

И женщина пошла по пути наименьшего сопротивления.

– Мишка, не реви! – сказала она – Ты лучше дай сюда книжку. Вот лиса, вот колобок... а вот кусты. Знаешь, кто сидит в кустах?

– Ну-у-у-ы-ы? – рыдая, спросил Мишка. – Там сидит фея. Там прекрасная фея с волшебной палочкой. Когда она увидела, что лиса вот-вот проглотит колобка, она вышла из кустов, ударила лису волшебной палочкой и заколдовала ее! Лиса окаменела, а колобок прыгнул на землю и побежал дальше.

Инициатива наказуема – Мишке такое продолжение сказки очень понравилось, и история колобка превратилась в сериал, от вечера к вечеру обрастая все новыми приключениями. Колобок сидел на носу у Бабы-Яги, Кощея Бессмертного, Карабаса Барабаса и прочей нечисти, а прекрасная фея вовремя вылезала из кустов и лупила волшебной палочкой направо и налево.

Но Мишка вырослел, и мама, будучи в глубине души натурой романтической, стала пересказывать ему кельтские предания, средневековые легенды и вообще всю литературу с участием фей.

– И тогда принц коснулся веткой сирени... кто ему дал ветку сирени?..

– Фея Сирени! – шептал, блестя глазенками, ребенок.

– Правильно. И он коснулся веткой дверей – и двери открылись сами собой. Он пошел, пошел... и пришел в тронный зал. А там спали на троне король с королевой, спади придворные дамы и рыцари, спали слуги и служанки, спали повара и поварята... Не спала только злая фея Карабосс. Она сидела в углу со своей прялкой, а вокруг бегали огромные крысы... Но принц не боялся крыс... – А где была фея Сирени?

– Она была рядом. Она хотела, чтобы принц сам освободил Спящую Красавицу. Ну, если бы Карабосс оказалась сильнее, фея Сирени, конечно, помогла бы принцу!

Все бы ничего, да только эту сказку мама рассказывала сыну раз этак в пятнадцатый. И уже ломала голову, где взять следующий сюжет про фей.

Но сюжет уже явился, уже вплелся в ее биографию, уже расставил ей ловушки. И оставалось сделать только шаг, чтобы рухнуть в первую из них...

По утрам Мишка отпрашивался в детский садик как ребенок из приличной семьи – на служебной «Волге». За соседом приезжал персональный шофер, а Мишка ходил в одну группу с соседской Анжелочкой. Вот его и прихватывали, чтобы не тискать в общественном транспорте. Обратное, правда, мама забирала его сама.

– Ксюша! – забирая уже одетого Мишку, сказала соседка – Ксюшенька, у меня к тебе просьба. Ты вечером Анжелочку не заберешь? Боюсь, Костя не успеет. У него совещание. И мне через весь город ехать.

– Конечно, заберу, что за вопрос!

– И пусть она у тебя побудет, ладно?

– Да не волнуйся. И заберу, и покормлю.

Мишку увезли. Мама Ксения осталась одна. Было у нее еще минут двадцать – как раз помыть посуду, причесаться и одеться.

Она выглянула в окно. Шел дождь. Выходить на улицу не хотелось – ну ни чуточки!

И вот она уже стояла в плаще перед дверью, с сумкой и зонтиком. А поскольку в последнее время жизнь ее не баловала, Ксения заранее представляла себе не то приятное, что связано с дождем – свежий воздух, к примеру, – а исключительно неприятное – брызги на колготках, промоченные ноги, насморк и прочее. Шлепать по лужам к остановке, распахивать в троллейбусе мокрые спины... брр... Вот открыть бы дверь – и сразу оказаться в родном отделе, в тепле и сухости...

Открывая дверь, Ксения действительно внутренним взором видела свой отдел, четыре стола, составленные попарно, китайскую розу на подоконнике, облупленный шкаф и Еремееву, которая всегда приходит первой. На Еремеевой почему-то было модное джинсовое платье, хотя для пятидесяти лет это, мягко говоря, странный наряд.

Ксения перешагнула порог и вместо лестничной клетки увидела перед собой комнату с четырьмя столами и китайской розой, а также Еремееву в джинсовке.

– Ксюша? – удивилась Еремеева – Так рано?

Изумленная тем, что галлюцинация заговорила, Ксения отступила назад, захлопнула дверь и с минуту – стояла без всякого соображения. Вроде выпалась она хорошо, видениям являться не с чего... Она опять открыла дверь, страстно желая увидеть именно лестничную клетку, – так и случилось.

Разумеется, и колготки Ксения забрызгала, и ноги промочила, иначе и быть не могло. А самое забавное ждало ее в отделе.

Когда она вошла, Еремеева посмотрела на нее с великим подозрением.

– Здравствуйте, Галина Петровна. Шура, здравствуй. Алла Григорьевна...

– Здоровались уже, – сообщила ей Еремеева. – В своем ли ты, голубушка, уме? Или не выпалась?

– Вы о чем? Алла Григорьевна? – внутренне холодея, спросила Ксения.

– Или ты бурную ночь с кем-то провела? – и, обращаясь к коллегам, Алла Григорьевна сообщила: – Полчаса назад открывается дверь и появляется наша красавица. Я здороваюсь, а она смотрит на меня, как на нечистую силу, и захлопывает дверь, воображаете?

– Ксюшенька! – ахнула Галина Петровна – Да что это с тобой такое?!

Самый юный сотрудник отдела Шура фыркнул.

– Я... это... – сказала Ксения. Тут только она заметила, что Еремеева действительно в джинсовке.

К счастью, зазвонил телефон. И начался рабочий день. В отделе снабжения крупного треста день этот был достаточно суетливым и муторным. И, естественно, через полчаса все и думать забыли про странное явление Ксении. Все – но не она сама.

Ничего противоестественного в том, что женщина пришла на работу раньше времени, не было. Ну, скажем, ночевала в гостях. Как почти разведенная, она имеет право ночевать где угодно. Ну, поторопилась на службу – хотела посидеть в одиночестве. Ну, увидела Еремееву и непроизвольно шарахнулась обратно. И вообще, как было принято говорить в девичьей компании времен Ксюшиной молодости: «Пьяна была, не помню». Хотя девочки и не знали, как это – быть пьяной.

Ксения вспоминала, как же это было. Как ей не хотелось выходить на улицу, как она представила себе теплую комнату, в которой ее ждут мягкие тапочки, а за шкафом висит, на всякий случай, огромная шаль, в которую можно закутаться с головы до ног. И, имея перед внутренним взором китайскую розу, она отворила дверь...

А с дверью этой возился преследуемый головорезами боцман Гангрена. И вставил в замок, между прочим, какую-то штуковину.

Вопрос: связаны ли проказы боцмана Гангрены с сегодняшним странным приключением?

Ксения горела от нетерпения – поскорее попасть домой и убедиться в своем предположении! Но ей пришлось забирать из садика Мишку с Анжелочкой, развлекать их перед ужином, кормить, опять развлекать. И только уложив Мишку, она осталась наедине с дверью.

Ксения задумалась – что бы такое вообразить для эксперимента. И она представила себе квартиру свекрови. Поскольку ей довелось там жить, эту квартиру она хорошо знала. И она вызвала перед глазами раскладной диван, журнальный столик перед ним, два безобразных кресла – стандартный уголок отдыха, который свекровь почему-то боготворила. Видимо, она считала, что в приличной квартире просто необходимо иметь этот громоздкий и совершенно непрактичный кошмар. У всех есть – значит, и у меня должно быть!

С трепетом Ксения толкнула дверь...

– Ты? – удивилась свекровь. Она сидела в кресле с вязанием, а Ксения стояла в дверях спальни – Ты как сюда попала?

Выбраться из кресла было не так-то просто. А захлопнуть дверь Ксения могла в любую секунду. Поэтому она еще понаблюдала, как свекровь ошалело хватается за подлокотники, упустив с колен клубок шерсти.

Вернувшись к себе, Ксения поняла, почему она оказалась выглядывающей именно из спальни. Она привыкла видеть ту комнату как раз с такой точки зрения.

Она пошла на кухню, заварила себе крепкий чай и в глубокой задумчивости облокотилась о подоконник.

Ей в руки судьба дала нечто непонятное, дала случайно, не учитывая ее добродетелей и заслуг. И тем не менее этот странный дар давал ей власть... да, власть.

Ведь до сих пор кто только не командовал Ксенией! Родители, соседи, муж, свекровь... кто еще? А она терпела, утешаясь теми самыми сказками, которыми теперь пичкала Мишку, только во взрослом варианте.

Надо отдать Ксении должное – ничего противозаконного ей в голову не пришло. И даже о сведении счетов она сперва не подумала. Ей хотелось немногого – в дождь не мочить ног и не толкаться в троллейбусе. И на следующее утро эта ее мечта сбылась. Правда, небольшой прокол все же получился.

– Ну ты и шустро бежала! – воскликнул Шура. – Плащ совсем сухой, зонтик – тоже!

– Меня знакомый на машине подвез, – ответила Ксения.

Понемногу, экспериментируя с дверью, она выяснила, как работает устройство боцмана Гангрены.

Загадав любой интерьер, можно было открыть дверь – и получалось, будто тыходишь в помещение через имеющуюся там дверь, все равно, дверца ли это холодильника или вообще окно. Также оказалось, что вернуться можно только в свою собственную квартиру. Когда однажды Ксения, увидев очередь в три версты на выставку чуть ли не луврской коллекции импрессионистов, решила вечером посетить ее и в одиночестве насладиться живописью, она нечаянно включила сигнализацию. Пришлось удирать. Ксения была уверена, что преследователи лупили что есть сил в ту дверь, за которой она скрылась, но она этих ударов не слышала. Преподнесло устройство и ещё один сюрприз. Ксения, что греха таить, немного поглядывала на Шуру. Раз муж бросил, имела же она право позаботиться о своем будущем. Конечно, ей бы и на ум не взбрело как-то дать понять Шуре, что он ей интересен... если бы не дверь. И вот, не очень веря в успех своей затеи, Ксения представила себе симпатичную физиономию Шуры, поскольку интерьера его обиталища, естественно, не знала, и вошла не более не менее, как в ванную, где Шура принимал душ. Поскольку он стоял с намыленной головой, то и глаза у него, к счастью, были закрыты.

– Это ты, ласточка? – сквозь мыльную пену спросил Шура.

Ксения закрыла дверь. Так она поняла, что устройство ловит цель по одной детали.

Ее сперва развлекала роль привидения. И другого употребления для двери она не предвидела. Потому что каждый ищет употребление для предметов на свой лад. Покажите обыкновенный булыжник домохозяйке, уголовнику, строителю и художнику. Хозяйка приспособит его в качестве гнета для бочки с солеными огурцами, строитель использует для фундамента, художник потащит в сад камней, а уголовник... нет, нет, только не это!

Итак, роль привидения вполне устраивала женщину, замотанную житейскими мелочами, но все еще ищущую утешения в сказках. Тем более что особо экспериментировать времени не было.

Но, опять-таки по вине плохой погоды, Ксении пришлось расширить сферу действия двери.

Мишка пришел из садика сопливый. А ночью ему стало совсем кисло. Температура поднялась, а в аптечке не было ни таблетки аспирина.

Ксения кляла себя последними словами. Еще муж ругал ее за бестолковое ведение домашнего хозяйства. Наверно, поэтому он ее и бросил... и был прав! Требовался аспирин, нужны были свежие горчичники... И все это – в половине второго ночи.

Она не сразу вспомнила про дверь. Когда же вспомнила – было уже не до радости. Так она торопилась.

Она вошла в темную аптеку. Где зажигается свет – она не знала. Пришлось вернуться за свечой. Она прямо из витрины достала аспирин. Горчичники оказались старые. Пришлось устроить обыск. Деньги за лекарства она оставила там, где брала аспирин.

Через несколько дней – новая нелепость. «Выпала в дефицит» манная крупа.

Нельзя сказать, что Мишка так уж любил манку. Но Ксения плохо стряпала. Манную кашу она еще варила съедобно, а вот с рисовой возникали проблемы.

Ксения здраво рассудила, что на складе любого магазина должен быть аварийный запас манки. Она вообразила себе полки с кулями и пакетами... и открыла дверь.

Склад, судя по всему, был не магазинный. Ксения попала в какой-то погреб. Действительно, имелись полки из досок с занозами. В углу стоял ларь с картошкой.

В поисках манки Ксения методично заглядывала во все ящики. И чего она там только не увидела!

Была в этом погребе недорогая и хорошая колбаса, была в нем гречка, были прекрасные консервы. Сперва Ксения тупо твердила себе, что ей нужна только манка, и ничего, кроме манки, но когда она добралась до банок с ананасовым соком, то ее захлестнула настоящая ярость.

Ее Мишка в жизни своей не пробовал ананасового сока, он не знал вообще, что такое ананас.

Если бы Ксения вздумала кормить Мишку так, как рекомендует медицинская литература, то одевать его было бы уже не на что. Это с одной стороны. А с другой – она понятия не имела, где люди берут всю эту вкуснятину.

Однако ее ребенок тоже имел право на фрукты и витамины, такое же право, как соседская Анжелочка. И ее ребенок только что перенес серьезную простуду, он выздоравливал, фрукты и витамины были ему необходимы.

Не чувствуя решительно никаких угрызений совести, Ксения взяла две банки ананасового сока, тресковую печень, еще какие-то деликатесы. Деньги с точностью до копейки оставила на полке. Манка была уже ни к чему.

Выздоровливающий Мишка требовал общения. И Ксения все время проводила с ним. Мишка и вылазки в дверь: вот что составляло теперь ее жизнь, пока она сидела на больничном. И, естественно, они не могли долго существовать сами по себе. Рано или поздно, а Мишка должен был как-то узнать тайну двери.

Ксения пришла бы в ужас, если бы кто-то рассказал об этом ребенку. Но молчать об устройстве боцмана Гангрены она больше не могла. Раньше ее отвлекали работа и Шура. Теперь ни того, ни другого не было.

– Мам, сказку! – тыча пальцем в часы, потребовал Мишка.

– Опять про фею?

– Опять!

– Ну, слушай. Но когда я кончу сказку – сразу спать. Договорились? Договорились!

Ксения запустила руку в кудряшки сына и подумала, что вот выздоровеет – и надо его постричь, совсем похож стал на девчонку.

– В одной далекой стране жила-была фея, – начала Ксения. – Когда она была маленькая, ее мама видела, что она очень скучает. «Чего ты, доченька, хочешь?» – спросила феина мама. А доченька молчит. «Может, ты хочешь конфет? Или мандаринов? Или котенка? Или собачку?» А доченька молчит. И тут феина мама догадалась. «Я знаю, чего ты хочешь! – сказала она. –

Ты хочешь, чтобы у тебя был маленький братик, и ты могла с ним играть!» И тут фея обрадовалась и говорит: «Скорее принеси мне братика!» А ведь ты, Мишка, знаешь, что достать хорошего братика нелегко. Думала феина мама, думала и придумала. Позвала она своих верных слуг, белых лебедей, и говорит им: «Летите, мои лебеди, в королевство За-семью-морями. Там у короля и королевы растут трое сыновей. Возьмите самого младшего и принесите сюда! Он будет братиком моей дочке!» Полетели белые лебеди, прилетели в королевский дворец и украли младшего принца. Принесли они его к маленькой фее, и стали дети расти, как брат и сестра. И вот они выросли. У феи был день рождения. К ней собрались гости и каждый принес подарок. Одна старая фея подарила ей волшебное зеркальце, другая – шапочку-невидимку, а третья фея говорит: «Я подарю тебе новое имя». «Какое же это будет имя?» – спросила маленькая фея. А старая ей говорит: «С сегодняшнего дня ты станешь повелительницей всех дверей на свете. Ты сможешь открыть дверь своей спальни, а выйти в замке Синей Бороды за сто миль отсюда. А звать тебя будут фея Дверинда...»

Сочинять похождения феи Дверинды Ксении было легко. Да и особого сочинительства тут не требовалось. Сюжет обычно был простой: названный брат Дверинды попадал во всякие неприятности, а она его выручала. Названный брат крался по заколдованному замку, срабатывала сигнализация, за ним гнались великаны – а фея Дверинда, увидев эти ужасы в волшебном зеркале, открывала ему потайную дверь в стене, куда он нырнул, и великаны понапрасну лупили здоровенными кулачищами по камню.

Мишка довольно быстро понял принцип обращения с дверью и принялся усложнять задачу Дверинды. Вот нет у нее волшебного зеркала – как тогда? Или Дверинда по милости злого волшебника временно ослепла – может ли слепой человек что-то внутри себя увидеть?

В человеческой медицине Ксения была не сильна. Физиологию фей она тоже не знала, но там вранье ни к чему не обязывало. И вообще, общаясь с Мишкой, она все чаще обнаруживала прорехи в своем образовании.

Пришлось как-то ночью нагряться в академическую библиотеку и взять на дом кое-что увлекательное. Разумеется, с намерением вернуть.

Понемногу библиотечные книги заполнили целую полку.

А с шубой история вышла уж вовсе детективная. Ксения забралась на склад универмага, туда, где меховые изделия, без всякого злого умысла. Близился конец месяца – ей хотелось знать, стоит ли каждый день сюда наведываться, или ничего ей по карману в продажу не выкинут.

Ну, шуба, конечно, ее не устраивала – дорого. Но пальтишко со скромной чернобурочкой она еще могла себе позволить. Тем более, мать сменила гнев на милость и обещала подкинуть сотню-другую.

Но, явившись ночью на склад, Ксения обнаружила, что она там не одна.

Две женщины и мужчина снимали с вешалок и доставали из пакетов меха, негромко при этом переговариваясь. И Ксения поняла, что это заместитель директора универмага и две заведующие секциями. Намерения же у них были забавные – вынести побольше ценных мехов и поджечь склад. Они все продумали, пожар должен был начаться одновременно в трех местах, так, чтобы к утру все, что надо, успешно выгорело.

Поджигатели рассчитали также, куда именно будет распространяться огонь, и в трудно-доступной для него области разместили несколько дорогих шуб. А то, обнаружив одну обгорелую дешевку, милиция смутится странный пожар какой-то, каракуль пожрал, а синтетику даже не расплавил. Поджигателям была нужна парочка полуобгоревших каракулевых шуб, чтобы версия о гибели всей партии в огне выглядела убедительно.

Слушая все эти ужасы, Ксения сидела на корточках в углу и дрожала от страха. Она никогда в жизни не видела пожара и наивно предполагала, что огонь распространяется со скоростью света и она не успеет добежать до своей двери.

Оставив подожженный мусорник и кучки бумаги на полу, поджигатели удалились. Ксения несколько минут удивленно смотрела, как горит бумага.

Опомнилась она, когда огонь перекинулся на оконную занавеску. Тогда Ксения содрала занавеску и кинула ее подальше – дотлевать.

Потом она обошла и внимательно разглядела обреченные вещи. Разумеется, примерила обе шубы. Одна оказалась ей впору.

Ксения подумала – ведь все равно эта шуба должна была погибнуть. А если не погибнуть, то быть украденной или проданной втридорога из-под прилавка. А у нее никогда в жизни не было шубы. Опять же – она погасила пожар и спасла кучу материальных ценностей. И с другой стороны – поджигатели сперли такое количество мехов, что одна шуба роли уже не играет.

Убедившись, что все погасло, Ксения в шубе вернулась к себе домой. Там она повесила дорогую вещь в шкаф и осознала убожество всех своих прочих вещей – платьев, юбок, плащика, свитерков...

Логика ее мыслей оказалась такова, что на следующий день она побывала в театре. И наведывалась туда несколько раз – пока не нашла подходящее место и время для покражи парика.

Блистающая туалетами режиссерская жена один раз в жизни сделала удачный ход – знала, в какую постель ей лечь. И этого ей хватило на двадцать лет. А Ксения даже одного удачного хода не сделала. Вуз она выбрала дурацкий. Кому, в самом деле, нужно такое знание английского языка, какого добивались и добились от нее? С таким английским можно работать только младшим инженером в отделе снабжения треста, не имеющего выхода на границу. Люди на таком английском не говорят! Замуж она вышла неудачно. Вот разве Мишка... И то – пока маленький, пока любит сказки.

Притащив домой шубу, Ксения поняла, что наряды режиссерской жены прямое оскорбление ей, Ксении. Если вдуматься, и ее карьера была для Ксении оскорблением. Ксения подозревала, что актерского таланта у нее самой примерно столько же, сколько у режиссерской жены, притом же она моложе.

Глядя на окаянную шубу, Ксения перебирала в памяти всю свою жизнь – жизнь неумехи, растеряхи, неудачницы. И крепла в ней злость: на мужа, который не сумел сделать из нее счастливую женщину, на мать, которая не приучила к хозяйству, на свекровь, которая, как ни билась, не научила ее вязать.

Дальнейшие действия Ксении были просты и логичны. Она занялась собой.

Общество задолжало ей немало. Она имела право хоть последние годы уходящей молодости прожить так, как режиссерская жена – слушать комплименты, а не воркотню Аллы Григорьевны или Галины Петровны, не пошлые шуточки снабженцев.

Она принесла из комиссионки несколько хороших косметических наборов по 100 рублей и больше. Дешевой и хорошей косметики в продаже не было, следовательно, это жизнь вынудила Ксению экспроприировать косметику дорогую. Как-то она забралась в косметический кабинет, но ушла оттуда несолоно хлебавши – импортные названия кремов и лосьонов были для нее китайской грамотой.

И тем не менее визитов к косметологу, парикмахеру, портнихе нельзя было откладывать. Перед Ксенией оставался только один барьер. Ей очень не хотелось его преодолевать. Но однажды, позаимствовав в комиссионке роскошное платье и туфли к нему, она явилась в ночной бар. Ей безумно хотелось танцевать, она заказала коктейль и села к стойке ждать приглашений.

Женщины смотрели с интересом на ее туфли и платье, иронически – на самодельную прическу. Мужчины не смотрели вообще. На следующий вечер Ксения отправилась в банк. Она не хотела брать деньги у частного лица: это было бы неприкрытым воровством. Но деньги в банке принадлежат всему народу, стало быть, и самой Ксении.

Для начала ей вполне должно было хватить пяти тысяч...

В тот вечер Мишка опять ждал сказку про Дверинду. И опять Ксения отговорила тем, что принесла с работы кучу бумаг, с которыми нужно разобраться до завтра. Она даже разложила их на столе.

Дело в том, что Ксения наконец-то выследила одну финскую баню, где собирались на досуге ответственные лица. Она уже побывала раз в этой бане и завела одно многообещающее знакомство. Так что, укладывая сына в постель, она уже горела от нетерпения.

– Давай я тебе лучше дам книжку с картинками, – предложила Ксения, которой еще нужно было помыть и высушить голову, сделать легкий, совершенно незаметный грим и успеть на склад универмага за махровой простыней.

– Там не будет Дверинды, – жалобно сказал Мишка.

– Там будут другие феи.

– Ма-ам, ма-ам... Ну расскажи про Дверинду и названного брата! Как он ходит по заколдованному замку, а, мам? Расскажи!

– Я тебе уже сто раз рассказывала.

– Ма-ам...

– Ну чего тебе?

– А Дверинда – она на самом деле?

– На самом. Держи книжку. Видишь на картинке?

– Дверинда – она такая?

– Такая, такая.

Фея была нарисована классическая – в длинном приталенном платье, в метровом колпаке с лентами и при маленьких крылышках.

– Ма-ам... А она только к названному брату приходит, а, мам? К другим она не приходит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.